

Т.Ю. Лопатина

Семантика конструкции Noun+Noun как результат интеграции языковых и тезаурусных знаний

Конструкции Noun+Noun (далее N+N) представляют собой многочисленный пласт языковых образований, формирующий свое смысловое содержание особым образом. Смысловое содержание конструкций N+N определяется значениями компонентов (существительных), отношениями между ними, выявляемыми при восстановлении определенных пропозитивных структур, а также «имплицитными приращениями смысла сверх словарных значений сочетающихся имен», обусловленных фоновыми знаниями носителей языка [1, с. 151].

Семантика конструкции N+N характеризуется наличием двух родов признаков: обязательных, или основных, находящихся свое представление в словарной части значения компонентов конструкции, и дополнительных признаков, отражающих как коллективные, так и индивидуальные знания о предмете или явлении, полученные в результате опыта общения с данным предметом или явлением. И это вполне закономерно, поскольку номинативная функция слова как единицы языковой системы в том и состоит, чтобы вербализовать, закрепить средствами языка наше знание о мире, т.е. о том, что находится за пределами языковой системы.

Итак, по мнению лингвистов самых разных направлений [2–5], в значении слова содержится информация не только о тех признаках обозначаемого, объекта, которые послужили основой его номинации и нашли отражение в словарной дефиниции слова, но и весь комплекс знаний об обозначаемом объекте или явлении, т.е. энциклопедические, или тезаурусные знания. В связи с этим М.В. Никитин отмечает, что «значение не имеет жестких и четких границ и иррадирует связи, охватывающие в конечном счете все знание» [6, с. 23]. Часто энциклопедические знания не входят в дефиницию слова, но составляют важный информационный потенциал значения, который находит свою актуализацию при функционировании слов, способствуя порождению новых смыслов.

Рассуждая о языковой образности и ее основах, Ю.Н. Караулов совершенно справедливо отмечает, что корни языковой образности лежат не в области языковой семантики, как это утверждается во многих работах, а в тезаурусе, т.е. в системе знаний о мире. Он пишет: «Снимая с образности слой за слоем, мы констатируем в ней застывшее гносеологическое усилие...» [7, с. 176]. Представляется, однако, что гносеологическое усилие, т.е. знания о мире, лежит не

только в основе языковой образности, но и языковой семантики в целом, поскольку всякое новое слово или слово, употребляемое в новом значении, возникает из потребности запечатлеть средствами языка новые знания или стремления говорящего выбрать неконвенциональный способ представления уже имеющихся знаний. Если концепт – это квант знания, а языковое значение – это концепт, «схваченный знаком» [8], то из этого следует, что в основе языковой семантики всегда лежат знания о мире как вокруг нас, так и внутри нас. Часть этих знаний, составляющих наиболее существенные признаки денотата, находит свое отражение в системно-языковой области семантики и представлена в словарях, а другая часть составляет информационный потенциал слова, т.е. энциклопедические знания, или знания о мире.

Как отмечает А.М. Кузнецов, семантику слова нельзя изучать и эксплицитно представить без обращения к внеязыковым знаниям в реальном мире [9, с. 22]. Более того, как показывает опыт билингов в освоении иноязычной лексики, зачастую одного словарного толкования слова бывает недостаточно для понимания его смысла, он оказывается неполным без дополнительных знаний, а также личного, часто эмоционального опыта, связанного с предметом или явлением, которое названо данным словом. Подобный опыт образует так называемую эмоциональную ауру слова (термин Д.С. Лихачева) [10, с. 282].

Признавая необходимость разграничения языковой и внеязыковой семантики, мы должны вместе с тем признать, что в отдельных случаях проведение жесткой границы между так называемыми языковыми и энциклопедическими знаниями представляется довольно сложным. Напротив, эта граница оказывается достаточно подвижной, на что указывали и указывают лингвисты самых различных направлений. Так, А.А. Потенция, выделяя в слове «ближайшее» и «дальнейшее» значения, отмечал, что невозможно провести между ними четкую границу [7, с. 168], М.В. Никитин полагает, что жесткой границы между знанием языка и знанием мира нет прежде всего в силу вероятностной природы самих кодифицированных знаний [1, с. 17].

На подвижность границ между языковыми и энциклопедическими знаниями (т.е. знаниями об обозначаемом объекте, не отраженными в словарной дефиниции слова) указывает и тот факт, что в словарях зачастую нет последовательности в представлении аналогичных признаков денотата: в одних случаях

такие признаки входят в словарную дефиницию слова, а в других – остаются за его пределами. Так, например, в известном словаре А.С. Хорнби при толковании существительного *fox* признак «хитрость» включен в дефиницию слова (a wild animal of the dog family. It has red fur and a large bushy tail and is famous for its cunning), а при толковании существительного *bee* признак «трудолюбие», «занятость» не находит отражения в дефиниции (a small flying insect which gathers money from flowers), хотя оба эти существительные регулярно выступают в компаративных словосочетаниях в качестве эталонов хитрости (as cunning as a fox) и трудолюбия, занятости (as busy as a bee).

Как мы уже отмечали, неязыковые, тезаурусные знания, стоящие за тем или иным словом и содержащие комплекс разнообразных сведений о денотате, представленные в семантике слова в качестве импликационала значения [11], в ассоциативных, или потенциальных семах [12–13] чаще всего находят свою актуализацию в процессах вторичной номинации (метафоризации, метонимизации, фразеологизации), поскольку знание может быть и зачастую стремится к вербализации не только прямыми, но и косвенными способами. Условием адекватной интерпретации выступает при этом общность тезауруса участников коммуникации, так называемые shared knowledge.

Большинство конструкций N+N формируют свое смысловое содержание в результате интеграции языкового и неязыкового знания, стоящего за каждым языковым знаком, создающим конструкцию N+N. В подтверждение сказанному обратимся к примерам:

Often when she said «Here, Tiger,» I would say to myself «No, here, Tiger,» hoping doggy ESP would draw him toward my door, because I like to look into his *cartoon face* (Steve Martin).

I played a *sandwich girl*, delivering lunches to the law office. I was happy to get it (Steve Martin).

They went to fashion shows at Hattie Carnegie and Lily Daché, to matinees of Eddie Cantor and Beatrice Lillie, and to *tea dances* at the Plaza (Joan Collins).

The great *turkey dance* went on for nearly three hours. Wine and more wine, food and more food (Robert Waller).

Смысловое содержание конструкции *cartoon face* в первую очередь выявляется при восстановлении ее пропозитивной структуры N_2 is like/resemble N_1 , на основе которой выстраиваются качественные отношения между двумя существительными, являющимися названиями предметов. Далее, необходимо обратить внимание на дефиниции слов. В словаре А.С. Хорнби при толковании существительного *cartoon* признак «забава (веселье)» включен в дефиницию слова (*cartoon* (drawing dealing with current events in an amusing way), тем самым давая возможность увидеть тип качественных отношений, а именно отношения, объективизирующие те или иные признаки. Однако такая интерпретация конструкции *cartoon face*,

как забавное лицо, похожее на лица, изображенные в комиксах, мультфильмах, может иметь место только при обращении к фоновым знаниям, содержащим информацию о том, что представляют собой карикатуры, герои комиксов и лица персонажей в мультфильмах. Таким образом, данная конструкция может быть истолкована как «мультяшное», т.е. необычное для людей, очень веселое, смешное лицо.

В конструкции *a sandwich girl* на первый план выходит пропозитивная структура N_2 does N_1 , представляющая акциональные, а более конкретно – субъектно-объектные отношения. Однако значения компонентов, представленные в их дефинициях в словаре, не содержит ключевой информации для правильной интерпретации конструкции. Ведущую роль в толковании конструкции *a sandwich girl* играют энциклопедические знания. Только при знании того, что обеды, доставляемые молодыми людьми домой или в офис, состоят преимущественно из таких блюд, как бутерброды, пиццы, салаты, нам становится понятна данная конструкция. Следовательно, *a sandwich girl* – это девушка, доставляющая обеды в офис.

Сложность при интерпретации конструкции *tea dances* исчезает в том случае, если мы владеем некоторой информацией о вечеринках (приемах), проводимых после показа модных коллекций. В конструкции восстанавливается следующая пропозитивная структура N_2 is for N_1 , раскрывающая реляционные отношения (назначения/предназначенности). Итак, становится очевидным, что *tea dances* – это приемы, на которых присутствующие за чашечкой чая обсуждают впечатления от просмотра показов мод.

Значение конструкции *turkey dance* становится понятным только в том случае, если знаешь, что традиционным блюдом на день благодарения является индейка. Следовательно, *turkey dance* – это танцы по случаю данного праздника.

Необходимо отметить, что большая группа примеров конструкций N+N в качестве первого компонента содержат имена собственные, т.е. имена людей и географические названия. Что касается имени собственного, то необходимо отметить, что у лингвистов, признающих имена собственные значащими лексическими единицами, нет единого мнения на предмет их семантического содержания. Некоторые исследователи [14–15] отводят решающую роль энциклопедическим знаниям в определении значения имен собственных. Важным при понимании значения имени собственного является кругозор и опыт человека относительно того или иного имени, так как значение имени собственного предстает как набор энциклопедических сведений об объекте. Приведем несколько примеров:

Hagen waited until they had both lit up huge *Havana cigars* before he asked Woltz, «Does Johnny get it or not?» (Mario Puzo).

That's my boss you remember David? On the plane back? Not actually from St. Albans. But wanted his *Hitchcock moment* (Hector Macdonald).

We gotta get up at five tomorrow and drive to Hamburg or someplace. Pick up *Eisenhower jackets* for the whole detachment (Jerome Salinger).

She had brought into the bathroom a small, oblong package wrapped in white paper and tied with gold tinsel. It appeared to contain an object roughly the size of *the Hope diamond* or an irritation attachment (Jerome Salinger).

Поясняя употребление имен собственных в конструкциях N+N, отметим, что некоторые имена, занимающая позицию атрибута, определенным образом характеризуют объект, представленный существительным в постпозиции. Так, имя А. Хичкока известно тем, что он, будучи режиссером, снимал триллеры, для которых характерны напряженность, непредсказуемость, элементы ужаса, страха. Следовательно, конструкция *Hitchcock moment* может быть интерпретирована как напряженный, даже пугающий момент, т.е. момент в стиле А. Хичкока. Известно, что в конструкции

Havana cigars имя собственное подчеркивает качество сигар, т.е. имеется в виду, что *Havana cigars* – это сигары самого лучшего качества, как гаванские сигары, поскольку произведены на Кубе. Исходя из знания некоторых исторических фактов, а именно стиля одежды президента Эйзенхауэра, конструкция *Eisenhower jackets* может быть интерпретирована как короткие, плотно пригнанные куртки, часть мундира. Чтобы понять конструкцию *the Hope diamond*, необходимо вспомнить факт из истории, заключающийся в том, что Генри Томасу Хоупу в свое время принадлежал самый большой бриллиант. Таким образом, конструкция *the Hope diamond* получает следующее толкование: бриллиант больших размеров, как бриллиант Хоупа.

Таким образом, в семантике конструкций N+N находят отражение не только словарные, но и тезаурусные знания, т.е. знания о мире, полученные на базе индивидуального восприятия и личного опыта. Необходимость в интеграции двух типов знаний, языковых и тезаурусных, выявляется при изучении семантики конструкции N+N в современном английском языке.

Библиографический список

1. Никитин, М.В. Основы лексической теории значения / М.В. Никитин. – М., 1988.
2. Бахтин, М. Вопросы литературы и эстетики / М. Бахтин. – М., 1975.
3. Верещагин, Е.М. Лингвострановедческая теория слова / Е.М. Верещагин. – М., 1980.
4. Долинин, К.А. Интерпретация текста (французский язык) / К.А. Долинин. – М., 1985.
5. Гак, В.Г. Метафора: универсальное и специфическое / В.Г. Гак // Метафора в языке и тексте. – М., 1988.
6. Никитин, М.В. Лексическое значение слова: структура и комбинаторика / М.В. Никитин. – М., 1983.
7. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М., 2003.
8. Кубрякова, Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. – М., 2004.
9. Кузнецов, А.М. Семантика лингвистическая и нелингвистическая (вместо введения) / А.М. Кузнецов // Лингвистическая и экстралингвистическая семантика : сборник обзоров. – М., 1992.
10. Лихачев, Д.С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачев // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. – М., 1997.
11. Никитин, М.В. Знак – значение – язык / М.В. Никитин. – СПб., 2001.
12. Гак, В.Г. Теоретическая грамматика французского языка: Морфология / В.Г. Гак. – М., 1979.
13. Арнольд, И.В. Семантическая структура в современном английском языке и методика ее исследования / И.В. Арнольд. – Л., 1966.
14. Голев, Н.Д. Естественная номинация объектов природы собственными и нарицательными именами / Н.Д. Голев // Вопросы ономастики. – Свердловск, 1974.
15. Шмелев, Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях / Д.Н. Шмелев. – М., 1977.